

Леннарт Лённгрен (Тромсё)

О «гибкости» русского текста. Опыт лингвистического эксперимента

Лингвистические эксперименты с пропусками в текущем тексте, т. наз. «cloze tests» (Oller 1994), несколько десятилетий пользуются популярностью, преимущественно, пожалуй, среди педагогов. В самом распространенном виде информанту предлагается небольшой по объему текст, в несколько сот слов, где между пропусками есть определенный интервал. Пропущено, чаще всего, каждое пятое слово (именно это расстояние признается самым целесообразным для эксперимента). Информант должен угадать, какое слово (только одно!) пропущено, и следить за тем, чтобы от его догадки не нарушалась грамматическая правильность и семантико-логическая «естественность» текста.

Результаты такого эксперимента можно использовать, по крайней мере, для исследования трех объектов: а) языковых способностей отдельных информантов; б) языковых характеристик отдельных текстов и в) самого языка как такового. В настоящей статье внимание обращается на третий объект: как ведет себя русский язык в таких тестах? какие ограничения накладываются контекстом на отдельные пропуски?

Недавно, в мае 1995 года, был проведен тест описанного выше типа. Информантами были носители русского языка: студенты и сотрудники Северодвинского гуманитарного института, а также университетов в Архангельске и Москве¹. Для исследования было выбрано семь художественных текстов (авторы: Н. Вирта, Д. Гранин, И. Грекова, Ю. Трифонов, В. Токарева, В. Тендряков, Ю. Нагибин), и был собран материал, состоящий из 217 заполненных анкет. Ввиду того, что каждая анкета содержит в среднем 73 пропуска, число отдельных догадок довольно внушительное: почти 16.000 (правда, неко-

¹Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность всем участникам эксперимента, а также всем тем, кто помог мне его провести.

торые пропуски оказались незаполненными, а некоторые — заполненными недопустимыми догадками).

Оказывается, что для данного типа текста, а именно, художественной прозы средней лексической и синтаксической сложности, около половины пропусков легко разгадывается большинством информантов. Особенно часто в таких «детерминистских» пропусках встречаются служебные слова, например, частица *ни* в примере «она не испытала [ни] одного чувства», предлог *в* в примере «Марго очнулась [в] больнице», союз *когда* в примере «все покинули Лыков много лет назад, [когда] Лосев был мальчишкой». Полнозначительные части речи тоже нередко оказываются в высокой степени предсказуемыми, и не только в устойчивых сочетаниях, типа «[время] от времени», «в прямом [смысле] слова». Контекст может, например, вполне определенно предсказать название птицы: «зимой по сугробам прыгали красные [снегири]».

Однако наибольший интерес для исследования представляют остальные пропуски, где встречаются разнообразные догадки. Есть такие открытые пропуски, где чуть ли не каждый информант предлагает свой вариант. Например, было такое предложение: «Борода была промыта какими-то [замечательными] шампунями», где, кроме *замечательными*, было предложено: *хорошими, удивительными, чудными, ароматными, душистыми, пахучими, пахнувшими, сладкими, дорогими, заморскими, заграничными, импортными, неизвестными, необыкновенными, необычными, особыми, специальными*.

Интересно отметить, что далеко не всегда первоначальный вариант, т. е. вариант автора, предпочитается и большинством информантов. Иногда это объясняется тем, что вариант подлинника нечастотный, неожиданный, экспрессивный. Например, вместо «два ее попутчика [храпели]» пишут *спали*, вместо «черепичные [кровли]» пишут *крыши*, вместо «ветер ударял Гарусову в [щеку]» пишут *в лицо*, вместо «[красавица] девочка» пишут *маленькая девочка*, вместо «перед [взором] еще стояли лягушечьи глаза» пишут *перед ним* (хотя в последнем примере смысл и логичность текста заметно ухудшается). Иногда автором выбрана другая грамматическая форма, чем предпочитают информанты, например, вместо «дом, нарисованный на картине, и все расположение полностью [соответствовали]

дому Кислых» большинство пишет *соответствовало*, и т. д. Бывает даже так, что вариант «публики» кажется более правильным или логичным, чем вариант автора. Например, вместо «известная в Москве [женщина] и писательница» пишут *поэтесса и писательница*; действительно, автор здесь нарушает один принцип координации, согласно которому родовое понятие не должно объединяться с видовым сочинительной связью.

Представляется возможным, на основе достаточно большого материала, построить типологию пропусков, например, по указанному параметру «открытости», а также по параметру гомогенности/гетерогенности вариантов. Однако более перспективно построить типологию на основе попарного сравнения всех вариантов одного пропуска. Такой анализ дает ответы на вопросы следующего типа: какие пропуски допускают слова только одной части речи или одного члена предложения, а какие — слова разных частей речи или членов предложения. Можно также проследить, в каких случаях замена одного варианта другим обязательно предполагает различный выбор слова соседнего пропуска, и т. д. Правда, последнее явление тем реже, чем больше расстояние между пропусками. Но могу привести такой яркий пример из материала: «И [наверняка] тогда им не хватило [терпения] дочитать длинный список до конца» / «И [времени] тогда им не хватило [чтобы] дочитать длинный список до конца».

Эксперимент можно расширить. Можно проверить, какие пропуски могут быть оставлены вообще без заполнения, не в ущерб правильности текста. Для них к остальным догадкам прибавляется еще и нулевая. Например, известно, что в словосочетаниях определения нередко можно опускать. Опускаемыми являются во многих случаях также подлежащие, дополнения и обстоятельства. И наоборот, во многих местах текста возможна вставка дополнительного слова. Вследствие этой открытости или, скажем, гибкости, текста, возможны не только парадигматические, но и синтагматические отношения между двумя предложенными вариантами. Именно с этой точки зрения важно подвергнуть собранный материал одному дополнительному тесту: проверить (попарно), совместимы ли в одном пропуске два варианта, и в таком случае, какая между ними син-

таксическая связь: сочинительная союзная, сочинительная бессоюзная, подчинительная. Кроме того, может и не быть прямой связи. Оказывается, что совместимость довольно часто имеет место, даже когда слова относятся к разным членам предложения. В таких случаях замена одного слова другим нередко приводит к замене члена предложения и в соседних словах.

Предлагаю построить классификацию попарных соотношений на основе трех критериев. Пожалуй, свойством, наиболее важным для поведения слова в пропуске, является его контекстуально обусловленная принадлежность к синтаксическому разряду, т. е. члену предложения. Поэтому основным критерием в предлагаемой типологии выступает именно член предложения. Второй критерий — это категориальное свойство слова, т. е. часть речи. А лишь на третьем месте стоит совместимость двух слов в пределах одного пропуска.

Не только последний, но и первые два критерия можно сделать бинарными. Существенным является то, принадлежат ли два варианта одному члену предложения или разным, и то же самое верно для части речи. Обозначу ниже совпадение и совместимость знаком «+», несовпадение и несовместимость — знаком «-». Совместное применение трех бинарных критериев дает, как известно, восемь комбинаций. Эти типы или группы — все они представлены в материале — в дальнейшем будут перечислены и прокомментированы. В приведенных примерах первая строка всегда представляет вариант первоначального текста, вторая — догадку информанта. В случае совместимости пропусков, информация об этом дается в третьей строке. Используются следующие условные сокращения членов предложения и частей речи: ПОДЛ подлежащее, СКАЗ-Г простое глагольное сказуемое, СКАЗ-И именная часть составного сказуемого, ДОП дополнение, ОБСТ обстоятельство, ОПР определение (включая приложение); СУЩ существительное, ПРИЛ прилагательное, МЕСТ местоимение, ЧИСЛ числительное, ГЛАГ глагол, НАР наречие (включая частицу), ПРЕДЛ предлог.

Первая группа (+, +, +)

1. попивая чай из *большого* фаянсового чайника (ОПР, ПРИЛ)
попивая чай из *красивого* фаянсового чайника (ОПР, ПРИЛ)

- (большого, красивого / ?красивого, большого)
2. Петр Иванович *проснулся* (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
Петр Иванович *испугался* (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
(проснулся и испугался)
 3. стекло, не гладкое, а пупырчатое, как *лягушачья* спинка (ОПР, ПРИЛ)
стекло, не гладкое, а пупырчатое, как *черепашья* спинка (ОПР, ПРИЛ)
(лягушачья или черепашья)

Эта группа, пожалуй, наиболее богато представлена в данном материале. Она отличается сочинительной связью — союзной или бессоюзной — между совместимыми вариантами. Эта связь, однако, часто ограничена различными условиями. Например, в первом примере нежелателен обратный порядок, во втором он дает совершенно другой смысл: «испугался во сне». В третьем примере допускается только дизъюнктивная связь.

Вторая группа (+, +, –)

1. Ее *фотографировали*. (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
Ее *передёрнуло*. (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
2. Если бы Марго *могла* полностью осознать... (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
Если бы Марго *удалось* полностью осознать... (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
3. После совещания Лосев *остался* выпросить фонды... (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
После совещания Лосев *решил* выпросить фонды... (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
4. приезжая в *Москву*, Лосев навещал земляков. (ОБСТ, СУЩ)
приезжая в *командировку*, Лосев навещал земляков. (ОБСТ, СУЩ)

Во второй группе догадки по разным причинам несовместимы. В первых двух примерах несовместимы личное и безличное сказуемые. В третьем примере, где совместимости препятствует тот факт, что у инфинитива неодинаковая синтаксическая функция (ДОП/ОБСТ), возможно такое объединение пропусков: *решил остаться и выпросить*. В четвертом примере предложные группы, как таковые,

совместимы, однако только несочинительной связью: *приезжая в Москву в командировку*.

Обращает на себя внимание возможность использования во втором примере как несовершенного, так и совершенного вида глагола. См. по этому поводу статью Ю. Н. Караулова в настоящем сборнике.

Третья группа (+, -, +)

1. просыпался от крика *ночной* птицы (ОПР, ПРИЛ)
просыпался от крика *потревоженной* птицы (ОПР, ГЛАГ)
(ночной потревоженной / потревоженной ночной)
2. знали, кто бродит ночью около *их* костров (ОПР, МЕСТ)
знали, кто бродит ночью около *горящих* костров (ОПР, ГЛАГ)
(их горящих)

Для третьей группы характерна синтаксическая функция определения. Совместимость, как правило, сочинительно-асиндетического типа, иногда с обратимым порядком, как в первом примере, где в синтагматическое соотношение вступают прилагательное и причастие. Особенно частотны сочетания местоимений с прилагательными или причастиями, как во втором примере. Ограничения на совместимость имеют здесь часто семантический характер. Например, *в эту ночь* и *в теплую ночь* легко сочетаются: *в эту теплую ночь*, но невозможно **в эту следующую ночь* и **в эту глубокую ночь*. А в предложении «Сторожев охотился за новой лошадей» вставка местоимения *свой* — *за своей новой лошадей* — изменяет значение: лошадь была у него, но сбежала.

Четвертая группа (+, -, -)

1. дом, нарисованный на *картине* (ОБСТ, СУЩ)
дом, нарисованный на *ней* (ОБСТ, МЕСТ)
2. тщательно обыскивать *лощины* (ДОП, СУЩ)
тщательно обыскивать *их* (ДОП, МЕСТ)
3. Связи *земляческие* он всячески поддерживал (ОПР, ПРИЛ)
Связи *друзей* он всячески поддерживал (ОПР, СУЩ)
4. одна сестра сказала *другой*, что (ДОП, МЕСТ)
одна сестра сказала *подруге*, что (ДОП, СУЩ)

5. уселся сразу на два стула, а на *третий* положил ноги (ОБСТ, ЧИСЛ)
уселся сразу на два стула, а на *стол* положил ноги (ОБСТ, СУЩ)
6. Иногда по лестнице спускалась *красавица* девочка (ОПР, СУЩ)
Иногда по лестнице спускалась *маленькая* девочка (ОПР, ПРИЛ)
7. зубы во рту — как *фонари* (СКАЗ-И, СУЩ)
зубы во рту — как *фарфоровые* (СКАЗ-И, ПРИЛ)
8. Петр Иванович бросил *поиски* (ДОП, СУЩ)
Петр Иванович бросил *курить* (ДОП, ГЛАГ)
9. он снова пришел *в* родные места (ОБСТ, ПРЕДЛ)
он снова пришел *посетить* родные места (ОБСТ, ГЛАГ)
10. старухи вспоминают *детство* своих детей (ДОП, СУЩ)
старухи вспоминают *про* своих детей (ДОП, ПРЕДЛ)

В четвертой — довольно большой — группе представлены, в частности, чисто парадигматические отношения между существительными и личными местоимениями, см. первый и второй примеры.

К этой группе относятся также случаи, когда слова выступают в нетипичной позиции, см. прилагательное *земляческий* в третьем примере (позиция справа от главного слова), или в нетипичной синтаксической функции, см. слова *другой* и *третий* в функции дополнения в четвертом и пятом примерах и существительное *красавица* в функции определения в шестом примере. (Между прочим, то же самое синтаксическое поведение, как у слова *красавица*, наблюдается у существительного *дурак*, например, *дурак муж*, *дурак географ*.)

Седьмой и восьмой примеры показывают, что в определенных позициях существительное может вступать в парадигматическое отношение с прилагательным и неопределенной формой глагола, соответственно.

В двух последних примерах этой группы в функции обстоятельства и дополнения, соответственно, выступает предложная группа. Замена сопровождается изменением синтаксической функции соседних слов.

Пятая группа (–, +, +)

1. Уж очень *ее* донимали приглашениями (ДОП, МЕСТ)
Уж очень *они* донимали приглашениями (ОПР, МЕСТ)

(они ее)

2. *закопаны* безвестно в приволжских степях (СКАЗ-И, ГЛАГ)
погибли безвестно в приволжских степях (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
 (погибли и закопаны / *закопаны и погибли)

Совместимость чаще всего несочинительная, как в первом примере, но во втором примере имеет место конъюнктивная связь, однако с логическим запретом на обратимость совмещенных вариантов (ср. выше второй пример первой группы). В первом примере можно, благодаря референциальной закреплённости к предыдущему контексту, опустить как подлежащее, так и дополнение: «Уж очень донимали приглашениями».

Шестая группа (–, +, –)

1. и росла, яростно хлестала, *обволакивала* Сторожева (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
 и росла, яростно хлестала, *обволакивая* Сторожева (ОБСТ, ГЛАГ)
2. с приятным треском *перескакивающий* с одного бугорка на другой (ОПР, ГЛАГ)
 с приятным треском *переходил* с одного бугорка на другой (СКАЗ-Г, ГЛАГ)

В этой группе находим только пары, в которых глаголы в личной форме противостоят глаголам в форме причастия или деепричастия, имеющим, тем самым, иную синтаксическую функцию. Изменение сопровождается ликвидацией/введением одного предикативного ядра.

Седьмая группа (–, –, +)

1. появились лягушки, лапами *они* задевали по лицу (ПОДЛ, МЕСТ)
 появились лягушки, лапами *мерзко* задевали по лицу (ОБСТ, НАР)
 (они мерзко)
2. противоречивость моих наблюдений *меня* не смущала. (ДОП, МЕСТ)
 противоречивость моих наблюдений *нисколько* не смущала.
 (ОБСТ, НАР)
 (меня нисколько)

3. *И* вспоминался вот такой высокий номер (—, СОЮЗ)
Ему вспоминался вот такой высокий номер (ДОП, МЕСТ)
 (и ему)
4. *три* седые женщины (ПОДЛ, ЧИСЛ)
старые седые женщины (ОПР, ПРИЛ)
 (три старые)
5. то прежде всего *вспоминался* этот идущий снизу слитный шелест
 (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
 то прежде всего *именно* этот идущий снизу слитный шелест
 (ОБСТ, НАР)
 (вспоминался именно)
6. Пришли *еще* Седовы (ОБСТ, НАР)
 Пришли *супруги* Седовы (ПОДЛ, СУЩ)
 (еще супруги)
7. слали письма, *телеграммы* (ДОП, СУЩ)
 слали письма, *упрашивали* (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
 (телеграммы, спрашивали)
8. походила она на присевшего *черного* зверя (ОПР, ПРИЛ)
 походила она на присевшего *отдохнуть* зверя (ОБСТ, ГЛАГ)
 (отдохнуть черного)
9. старухи вспоминают *детство* своих детей (ОПР, СУЩ)
 старухи вспоминают *только* своих детей (ОБСТ, НАР)
 (только детство / ?детство только)
10. он не мог не видеть бездушных тяжелых *взглядов* лягушек
 (ДОП, СУЩ)
 он не мог не видеть бездушных тяжелых *прыгающих* лягушек
 (ОПР, ГЛАГ)
 (взглядов прыгающих)
11. со всеми *участниками* совещания (ДОП, СУЩ)
 со всеми *после* совещания (ОБСТ, ПРЕДЛ)
 (участниками после)
12. висела гостиничная картина, *тоже* пейзаж (ОБСТ, НАР)
 висела гостиничная картина, *изображающая* пейзаж (ОПР,
 ГЛАГ)
 (тоже изображающая)

Три первых примера седьмой группы показывают, что личные местоимения, будучи референциально закрепленными за предыдущим контекстом, относительно легко опускаются, причем их место могут занимать наречия или союзы. Во втором примере опущение местоимения имеет немного маркированный эффект, что, возможно, позволяет, вслед за И. А. Мельчуком (1994: 321), говорить о наличии «нулевого объекта». Четвертый пример возможен только благодаря случайной морфологической омонимии формы *женщины*. В пятом примере сказуемое *вспоминался* можно опустить, так как оно упомянуто в предыдущем контексте. В шестом примере *супруги* необязательно, так как контекст подсказывает, что имеется в виду, скорее всего, супружеская пара Седовы, а не, например, все их семейство. В седьмом примере имеет место сочинительная связь, но эту связь можно установить или с глаголом *слали*, или с существительным *письма*. Пропуск в восьмом примере допускает или определение существительного *зверя*, находящегося справа от пропуска, или слабо управляемое обстоятельство, примыкающее к причастию *присевшего* слева от пропуска. В девятом, десятом и одиннадцатом примерах замена существительного другим словом приводит к изменению синтаксической структуры. В двенадцатом примере, наконец, замена наречия на причастие приводит к изменению синтаксических связей внутри обособленного определения.

Во всех примерах седьмой группы имеет место совместимость без прямой связи между членами; как правило, этим и налагается строгое условие необратимости порядка слов.

Восьмая группа (–, –, –)

1. болота, перелески, нежилые места, *нет* даже деревень (СКАЗ-Г, СВЯЗКА)
болота, перелески, нежилые места, *лишенные* даже деревень (ОПР, ГЛАГ)
2. Утро было ясное, *светило* солнце (СКАЗ-Г, ГЛАГ)
Утро было ясное, *как* солнце (ОПР, СОЮЗ)
3. Отец был *самым* сильным (ОПР, МЕСТ)
Отец был *человеком* сильным (СКАЗ-И, СУЩ)

4. там *за* тридцать копеек, пожалуйста, тебе покажут... (ОБСТ, ПРЕДЛ)
там *билет* тридцать копеек, пожалуйста, тебе покажут... (ПОДЛ, СУЩ)
5. Гарусов был ленинградец, сирота *и* воспитывался (— , СОЮЗ)
Гарусов был ленинградец, сирота *Гарусов* воспитывался (ОПР, СУЩ)
6. Потом он увидел *сияющего* улыбкой Митьку (ОПР, ГЛАГ)
Потом он увидел *с* улыбкой Митьку (ОБСТ, ПРЕДЛ)

В первых двух примерах тоже наблюдается ликвидация предложения, которое, однако, во втором примере приводит к резкому изменению семантики. Зато вставка пустого существительного *человеком* в третьем примере и существительного *билет* — в четвертом не изменяет значения этих предложений. То же самое можно сказать о пятом примере, со вставкой приложения *Гарусов*. Однако в шестом и последнем примере замена причастия *сияющего* предлогом *с* приводит к тому, что улыбается уже не Митька, а «он»; надо признаться, данная догадка, выбранная шестнадцатью информантами, не очень удачная.

Группа отличается полной несовместимостью вариантов. В третьем примере, однако, возможно объединение пропусков, если предпринять небольшую перестановку: «Отец был самым сильным человеком».

Надеюсь, мне удалось показать, что эксперимент проведенного типа может оказаться полезным и интересным не только в педагогических, социологических и т. д. целях, но и в целях чисто лингвистических. Такой тест можно использовать, в частности, для изучения условий заполнения валентности, условий объединения сочиненных членов, характер (грамматический, семантический, логический) отдельных ограничений и запретов. Кроме того, полученный материал² в известной степени отражает в совокупности «языковую личность» данных информантов. Тем самым он дополняет, например, ценный материал психолингвистического эксперимента, лежащего в основе

²Исследователи, заинтересованные в использовании материала, могут обратиться к автору (адрес указан на следующей странице).

«Русского ассоциативного словаря», составленного в Москве, в Институте русского языка РАН (Караулов и др. 1994).

Библиография

Oller, John W., *Language Testing at School*, London 1979, pp. 340-380.
Mel'čuk, I. A., *Dependency syntax: theory and practice*, New York 1988.
Караулов, Ю. Н. и др., *Русский ассоциативный словарь*. Книга 1-2, Москва 1994.

Summary

In the spring of 1995 a linguistic experiment, a so-called "cloze test", was carried out in Moscow, Arkhangelsk and Severodvinsk. Native speakers of Russian, mostly students and teachers, were presented with short literary texts, in which every fifth word had been excluded. The task consisted in guessing what word had been excluded in each slot. As a result a large number of guesses were obtained, and the author's aim has been to compare the proposed variants, including the original word, of every slot, thus trying to describe the possible relationships from a purely linguistic point of view.

The relationship holding between two guesses is characterised according to three criteria: a) whether the words have the same syntactic function or not; b) whether the words belong to the same part of speech (word-class) or not; and c) whether the words are compatible in the same slot or not (in the case of compatibility there may be restrictions on word order).

The application of these three binary criteria gives eight groups, or types of relationship, all of which turn out to be represented in the material. The presentation of each type consists of two parts: a number of examples and commentaries containing additional grammatical and semantic analysis.

Address of the author: Lennart Lönngren, Universitetet i Tromsø, Det humanistiske fakultet, N-9037 Tromsø, Norway. E-mail: lennart@isl.uit.no